

Н. Стариков

Предисловие

Историю лучше всего изучать двумя способами: читая мемуары или читая документы. Воспоминания лидера кадетской партии Павла Николаевича Милюкова дают нам эти две возможности одновременно. Это и воспоминания активного деятеля революционного движения России, и документы, которые он приводит в мемуарах. Политическая жизнь Милюкова полна парадоксов. Он был одним из главных отцов Февраля 1917 г., и его же предали соратники почти сразу после революции. Он не стал жертвой Октября 1917 г., хотя и пытался активно противодействовать с большевиками. Уехал в эмиграцию, но не начал, как многие, бороться против новой России-СССР, используя любые средства. Поэтому во время Второй мировой войны он поддержал Советский Союз, выступая за поражение Германии.

Но сначала была революция...

А в 1917 г.

государство рухнуло, армия была разложена революционерами и затем распущена. Итогом стала еще более ужасающая война — Гражданская. Миллионы жертв. Тиф. Голод. Разруха.

Как все это получилось? Почему пала могучая Российская империя? Читайте историю двух русских революций, написанную одним из ее авторов. Свидетельство от первого лица. Масса малоизвестных фактов...

и на резолюцию Совета по поводу радиотелеграммы Гинденбурга. 24 мая в «Русском слове» появилась сенсационная телеграмма из Кишинева (от 18-го), что через румынский фронт прибыла и направляется к Временному правительству для переговоров о мире группа австрийских парламентаров в составе двух генералов, двух полковников, двадцати офицеров и пятнадцати солдат. Ни в главном штабе, ни в правительстве об этом ничего не знали, но уже начались разговоры о возможности выслушать делегацию в Совете рабочих и солдатских депутатов в присутствии делегатов армии. Эпизод был ликвидирован на месте, и генерал Деникин телеграфировал министру, что эти парламентары, появившиеся на фронте 9-й армии, отправлены в качестве военнопленных в тыл, за исключением трех офицеров и солдат, допрошенных в Ставке 23 мая и отправленных затем в Москву тоже в качестве военнопленных на распределительный пункт.

3. Расчленение России под лозунгом «самоопределения»

Обособление национальностей. Финляндия. Помимо разложения фронта при помощи парламентаров, братания, берлинских газет («Русский вестник») и агитаторов петроградского Совета, уже было приступлено к постепенному осуществлению на той же почве разложения армии более смелого и широкого плана внедрения в самую глубь России и к подготовке ее расчленения на части. Внесение в формулу «без аннексий и контрибуций» с этой задней мыслью формулы «самоопределения народностей» и истолкование ее в смысле «дезаннексий» будет прослежено в другом месте. Здесь же мы рассмотрим ряд явлений, в совокупности представляющих яркую картину применения этой мысли к России. Конечно, влиянием извне нельзя всецело объяснить стремление национальностей к выделению. Национальное движение есть фактор сам по себе достаточно сильный, чтобы создать все необходимые для наших противников последствия. Но нет недостатка в указаниях на прямое влияние иностранной пропаганды с целью обострения национальных стремлений. И даже при отсутствии прямых доказательств об их наличии свидетельствуют как известные общие тенденции неприятельской тактики, так и планомерность и одновременность ее проявлений повсеместно, где пропагандист мог рассчитывать найти или создать благоприятную почву.

Финляндия с ее давними сношениями с Германией, резко выраженным антирусским настроением ее общественного мнения, с ее влиятельной

социал-демократией и тайными революционными организациями представляла наиболее благоприятную почву для германского воздействия. Она давала первую опорную базу для перенесения деятельности в саму Россию. Еще до революции, во время войны, финляндский активизм в связи со шведским опирался на германскую поддержку. Сотни и даже тысячи финляндской молодежи бежали в Германию и там обучались военному делу, чтобы составить впоследствии корпус против России. Правда, германцы не выдерживали обещания и в ожидании десанта против России употребляли финляндцев для собственных войск к большому их раздражению. Но именно русская революция открывала выход этим накопленным силам. В первое время после революции шведско-финляндская граница была совершенно открыта, да и раньше в ней существовало несколько известных революционерам пунктов для свободного перехода. Преимущественно финляндцы и жители балтийского края, знающие русский язык, и до революции употреблялись германцами для доставки взрывчатых веществ в Россию, для взрывов мостов, пристаней, морских судов, фабрик, работающих на оборону, для доставки оружия от Финляндии до Кавказа и т. д. Теперь, после революции, телеграммы из-за границы сообщили, что германцы двигают на Россию трехтысячную толпу таких подготовленных агентов. Но в это время Временное правительство опубликовало свой финляндский манифест. В душе финляндцев произошел крутой перелом по отношению к России. Многие из агентов-патриотов заявили, что они боролись против царизма, а не против свободной России. Были даже примеры бегства тренированных финляндских агентов из Германии в Швецию и обращения их с предложениями к революционному русскому правительству. Таким образом, план наших противников расстроился, но далеко не совсем. После первого взрыва общего восторга отношение разных партий к России быстро дифференцировалось. Не только крайние течения, но даже и более умеренные теперь уже готовы были идти дальше того, что давала русская власть. Старое поколение финляндских конституционалистов, с которым русская оппозиция давно уже рука об руку боролась против бобриковщины, отчасти сошло со сцены, отчасти было отодвинуто новым настроением молодежи. Молодежь эта, особенно социалистическая, отличалась смелостью невежества и полной неподготовленностью в вопросах государственного права. Все это надо иметь в виду при оценке развернувшихся в Финляндии событий.

Временное правительство было убеждено, что власть, которой пользовался в Финляндии низложенный монарх, перешла к нему самому, обладающему всей полнотой власти и не имеющему права расточать

этой власти до созыва Учредительного собрания. Иностранные юристы (проф. Эрих), напротив, убедили финляндцев в возможности стать на такую точку зрения, что связывающая обе страны власть монарха вообще исчезла. Россия и Финляндия стали «соседними» республиками, и определение их будущих отношений должно быть сделано совершенно заново, путем нового договора. Уже отвечая на речь генерал-губернатора М. А. Стаховича при открытии сейма 29 марта, Тальман намекнул на эту точку зрения в словах: «Финляндия так же, как и Россия, перестала быть монархической страной. Этот факт требует, кроме установления в Финляндии, как и в России, нового, более демократического образа правления, также и определения государственного положения нашей страны по отношению к России на новых началах». Не решаясь высказать этого взгляда полностью, финляндские политики сосредоточили свой первый бой с русским правительством на вопросе о правах сената, точнее его «хозяйственного департамента», которому финляндцы хотели передать права ответственного министерства и в то же время по возможности все права, принадлежавшие монарху в лице генерал-губернатора и непосредственно. Тщетно юридическая комиссия при Временном правительстве доказывала делегатам противоречивость с конституционной точки зрения такого положения, при котором ответственные перед сеймом министры являются держателями власти, высшей, чем сам сейм. Финляндцы соглашались оставить за Россией (генерал-губернатором) лишь дела, касающиеся взаимных правовых отношений между Финляндией и Россией, а также дела, касающиеся российских граждан в Финляндии. Временное правительство соглашалось до Учредительного собрания передать сенату лишь некоторые второстепенные дела. Спор затянулся, финляндские делегаты ездили из Гельсингфорса в Петроград и обратно, то готовые к уступкам, то опять упорствующие, в зависимости от того, как складывалось положение дел в России. Настроение портилось и в Финляндии. Сейм отложил в долгий ящик очередные законопроекты о правах русских граждан. 8 апреля социалист сенатор Токой (глава правительства) произнес в сейме декларацию, которая послужила своего рода сигналом. «Долг финляндцев, — говорил он, — обеспечить в ближайшем будущем действительную независимость». Свободная Россия является лишь «уважаемым соседом», быть может, «высокоцитимым союзником»; «но свободный народ не должен терпеть поработенных соседей и союзников»; «народам, которые дозрели до способности самоопределения», должен быть предоставлен «тот путь, по которому пойдет свободная Россия», — путь не только «политической», но и «социальной револю-

ции». На другой день после речи Токоя в Гельсингфорсе и в Выборгской глуши одновременно стали отказываться брать русские деньги. За два дня, 6 апреля, гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих заявил, что у него «имеются определенные сведения, что в Россию и в особенности в Финляндию проникли германские провокаторы, прекрасно говорящие по-русски», которые пытаются толкнуть русских на «насилие над финляндской собственностью», чтобы тем «озлобить финский народ, который бы отказал нам в моральной и материальной поддержке на случай прихода или десанта германских военных сил».

Этого прихода ждали после таяния льда, и вопрос, будут ли своевременно поставлены минные заграждения, в течение нескольких недель был самым жгучим. Вопросы о независимости Финляндии и о германском десанте как-то всегда поднимались одновременно.

Коалиционное правительство пошло на широкие уступки финляндцам, перед которыми останавливалось правительство первого состава. Было решено передать сенату *все* дела, восходившие раньше к монарху (кроме, как предлагали и финляндцы, дел о правовых взаимоотношениях и о правах граждан). За собой Временное правительство сохранило лишь право созыва и роспуска сейма, предоставив хозяйственному департаменту (то есть правительству Финляндии) право законодательной инициативы, утверждения бюджета, издания административных распоряжений, созыва церковного собора, решения вопросов о новых правительственных учреждениях и обществах и, наконец, право помилования. Сенатор Токой (в речи 31 мая) снисходительно соглашался, что «атмосфера прояснилась» и что остающиеся разногласия — больше вопрос самолюбия, чем предмет серьезного спора. «Взаимное понимание достигнуто, — говорит он, — мы благодарны России за то, что она дала нам». Но это только потому, что он понимает данное как признание «свободной, самостоятельной Финляндии». «Мы не скрываем, — заявляет он, — что конечная цель финляндцев — самостоятельность Финляндии... С этой целью мы действуем не тайно, а вполне открыто». Действительно, уже в середине мая (13-го) финляндская социалистическая делегация заявила голландско-скандинавскому комитету в Стокгольме, что финляндский вопрос должен рассматриваться как вопрос международный и что «чувство благодарности» к «русским революционным элементам» «не может избавить финляндский народ от возможно лучшего обеспечения своего собственного будущего» на случай, «если бы в русской политике возобладали националистические течения». На чрезвычайном партийном съезде финляндской социал-демократии в начале июня эта позиция была закреплена резолюцией, которая

провозглашала принцип самостоятельной Финляндской республики, настаивала на международных гарантиях и признавала недопустимым не только осуществление верховных прав России в области управления, но и пребывание русских войск в Финляндии. Токой говорил в речи 31 мая, что финляндцы «не желают воспользоваться нынешним критическим положением, в котором находится Временное правительство». Но они именно это и делали. И в момент, когда с несомненностью выявилась слабость коалиционного правительства, в конце концов финляндские социалисты сделали дальнейший шаг к своей «конечной цели». Вместо проекта «расширения прав сената», внесенного правительством, как мы видели, по согласию с финляндцами, проекта, делавшего им широкие уступки, 26 июня из комиссии основных законов, выработанных в глубокой тайне, поступил законопроект о создании «по постановлению сейма» высшей государственной власти в Финляндии. По этому проекту, «сейм окончательно решает все дела, решавшиеся ранее императором», за исключением дел внешней политики и военных. О генерал-губернаторе уже вовсе не упоминается. Тщетно представители буржуазных партий протестовали против проекта при его обсуждении в сейме.

Агитация на Балтийском флоте и в Кронштадте. Параллельно с сепаратистским движением в Финляндии развивалась планомерная агитация среди матросов Балтийского флота, главным образом в Свеаборге и среди воинских частей, стоящих в Финляндии: в Гельсингфорсе, Выборге, Або. В беспорядках, разыгравшихся здесь в первые дни революции, была заметна направляющая рука. Пользуясь раздражением солдат и матросов против офицеров, закулисные руководители направили ненависть против лучшей части командного состава. Офицеров убивали по списку, и в результате флот сразу лишился наиболее талантливых и знающих техников. Место убитого адмирала Непенина занял Максимов, человек бесхарактерный и в то же время склонный удовлетворять свое честолюбие приемами самой беззастенчивой демагогии. При Максимове во флоте был восстановлен некоторый внешний порядок, но по существу флот потерял значительную часть боеспособности. В то же время он сделался средоточием большевистской пропаганды, и некоторые крупные единицы флота стали настоящими цитаделями большевизма. Правда, большевикам не удалось перебросить заразу на южную базу флота Ревель, где стояла наша минная эскадра. Но зато их легкой добычей сделался Кронштадт. Здесь на нашей морской базе и под самой нашей столицей пропаганда большевиков пошла очень усиленно. Довольно быстро они приобрели в местном Совете рабочих и солдатских депутатов если не численный

перевес, то преобладающее влияние благодаря демагогическим приемам небольшой кучки агитаторов, во главе которой выдвинулись студент-психоневролог товарищ (или «доктор») Рошаль и студент-технолог Ламанов. Не довольствуясь полным фактическим господством, кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов под влиянием проповеди Троцкого и Луначарского решился на более смелый эксперимент. 17 мая большинством 216 голосов против 40 при 18 воздержавшихся кронштадтский Совет постановил взять в свои руки фактическую власть, заменить всех представителей Временного правительства в Кронштадте своими, а с остальной Россией и с Петроградом сноситься непосредственно через петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Такой прямой вызов не мог остаться без противодействия со стороны правительства. Но противодействие это, согласно общей тактике правительства, выразилось в самой легкой словесной форме. 24 мая в Кронштадт отправились министры-социалисты Церетели и Скобелев, говорили с Исполнительным Комитетом, потом с Советом рабочих и солдатских депутатов, наконец, с народным митингом на площади и в результате добились согласительной резолюции Совета. Совет заявил, что он будет стремиться к осуществлению большевистского лозунга, «чтобы революционная демократия создала новую организацию власти, передав всю власть в руки Совета рабочих и солдатских депутатов». «Но пока это не достигнуто» «путем идейного воздействия на мнение большинства демократии» и пока это большинство «поддерживает нынешнее Временное правительство», кронштадтский Совет соглашался «признать это правительство и считать его распоряжения и законы столько же распространяющимися на Кронштадт, как и на все остальные части России». Однако же, как только министры уехали из Кронштадта и эта резолюция была опубликована, так на следующий же день, 25 мая, левые элементы вызвали новые волнения. Толпа в 3000 матросов и солдат собралась на обычном месте митингов — на Якорной площади — и потребовала от Совета, чтобы он взял обратно свое решение и в категорической форме объявил о своем неподчинении правительству. Уступая давлению, Совет телеграфировал кн. Львову, что резолюция 24 мая есть в сущности лишь «ответы на вопросы министров Церетели и Скобелева... и ничто более», так как Совет остается на точке зрения резолюции 16 мая и разъяснения к ней 21 мая, что единственной местной властью в городе Кронштадте является Совет рабочих и солдатских депутатов».

Это было уже слишком, даже и для коалиционного правительства. По предложению Церетели, петроградский Совет постановил, что «от-

каз кронштадтского Совета признать власть Временного правительства означает отпадение от революционной демократии» и «является ударом делу революции». При этом случае Совет поднял вопрос о заключенных в Кронштадте офицерах, признавая их содержание без обвинения и суда «в худшем из царских казематов актом недостойной мести и расправы, позорящим революцию». Совет «требовал от всех кронштадтцев беспрекословного исполнения всех предписаний Временного правительства», а правительство, получив это постановление Совета, решилось на ночном заседании 26 мая повторить его дословно и «предписать командующему флотом Балтийского моря вывести без замедления из Кронштадта все учебные суда для летних учебных занятий». Однако Временное правительство в виде компромисса утвердило своим новым комиссаром избранного кронштадтским Советом рабочих и солдатских депутатов Ф. Я. Парчевского вместо отказавшегося члена Думы Пепеляева. Со своей стороны председатель исполнительного комитета Ламанов, исполняя требование Временного правительства, доложил о состоянии отправляющихся из Кронштадта учебных судов. 7 июня начала свои действия петроградская следственная комиссия о заключенных в тюрьмах офицерах, ужасное положение которых было засвидетельствовано посетившим кронштадтские казематы англичанином Р. К. Лонгом («Речь», 27 мая).

Примирение оказалось, как и следовало ожидать, и на этот раз непрочным. Поражение большевиков в Кронштадте вызвало с их стороны только новые усилия пропаганды. Гельсингфорсский исполнительный комитет Совета депутатов армии, флота и рабочих резолюцией 15 июня одобрил «тактику революционного Кронштадта» и «признал, что, высказывая свое отношение к Временному правительству, кронштадтский Совет осуществил этим свое право, принадлежащее всякому органу революционной демократии». Осуждая на этом основании резолюцию петроградского комитета и требуя «немедленного пересмотра ее», гельсингфорсский Совет «признал Кронштадт передовым отрядом российской революционной демократии» и решил «оказать ему поддержку».

Кронштадт действительно полностью оправдывал это название «передового отряда». Укрепившись в Кронштадте, большевизм разбросал широко по России сеть большевистской пропаганды при помощи надлежащим образом обученных агитаторов. Кронштадтские эмиссары посылались и на фронт, где подрывали дисциплину, и в тыл, в деревни, где вызывали погромы имений. Кронштадтский Совет выдавал эмиссарам особые свидетельства: «N. N. послан в *свою* губернию для присутствия с правом решающего голоса в уездных, волостных и сельских комитетах,

а также выступать на митингах и созывать митинги по своему усмотрению в любом месте» с «правом ношения оружия, свободного и бесплатного проезда по всем железным дорогам и пароходам». При этом «неприкосновенность личности означенного агитатора гарантируется Советом рабочих и солдатских депутатов города Кронштадта». Такой агитатор из Кронштадта выступил, например, 25 мая в Воронеже, требуя немедленного прекращения войны и свержения Временного правительства. В Тамбовской губернии, в Трескинской волости Кирсановского уезда, такой же агитатор с «удостоверением», призывавший к захвату земель, был арестован крестьянами, но, выпущенный в Кирсанове, вернулся вторично, после чего вторично арестовать его крестьяне уже не решились.

Агитация на Черноморском флоте. Наиболее ярким и серьезным случаем было перенесение пропаганды с Балтийского флота на Черноморский при посредстве делегации большевиков, приехавших из Кронштадта, Гельсингфорса и Або. Под управлением популярного адмирала Колчака Черноморский флот, одушевленный желанием сыграть активную роль в войне и мечтавший о походе на Константинополь, в течение всего марта и апреля уберется от разложения. Мало того, когда вернувшийся из Пскова, с совещания главнокомандующих, адмирал Колчак рассказал 23 апреля офицерам и команде о небоеспособности Балтийского флота, об опасности полного распада наших вооруженных сил, его сообщение вызвало большой подъем среди черноморских моряков и привело 29 апреля к решению послать в Петроград и на фронт особую черноморскую делегацию в составе не меньше 300 человек с целью противодействовать агитации большевиков. Но как раз отъезд из Севастополя этих наиболее разумных, добросовестных и владевших даром слова людей сыграл роковую роль в дальнейшей судьбе Черноморского флота. После их отъезда среди матросов началась агитация. Вопреки воле адмирала Колчака исполнительный комитет уже 10 мая арестовал помощника командующего портом генерала Петрова. Адмирал Колчак подал в отставку (16 мая), но, поддержанный находившимся тогда в Одессе А. Ф. Керенским, взял ее обратно. По требованию правительства Петров был освобожден. Но вскоре после этого возник другой повод для конфликта: миноносец «Жаркий» отказался выйти в море, а затем в самой грубой форме удалил своего командира. Виновные были преданы военному суду, но это создало благоприятную почву для агитации против самого адмирала. Достаточно было прибытия пяти упомянутых выше агитаторов с удостоверениями Совета рабочих и солдатских депутатов, чтобы агитация эта возымела полный успех. На собраниях и митингах указывалось, что Черноморский

флот ничего не сделал для революции, что команда дружит с офицерами, что местный исполнительный комитет — простое отделение штаба адмирала Колчака. Тут же было постановлено арестовать офицеров; четверо из них были обысканы и арестованы как «приверженцы старого режима». Комитет не решался бороться с митингами и плелся в хвосте. В результате на митинге с заезжими агитаторами было решено отобрать оружие у всех офицеров, а потом арестовать самого Колчака и начальника его штаба Смирнова.

«Хотя Колчак и является авторитетом в военно-морском деле, — говорил один из митинговых ораторов, — но нам такие не нужны. Во главе флота должен стоять хоть прапорщик, который бы исполнял все, чего желают матросы». Получив донесение Колчака, Временное правительство на ночном заседании 6 июня решило: 1) требовать «немедленного подчинения Черноморского флота законной власти»; 2) «адмиралу Колчаку и Смирнову, допустившим явный бунт, приказать немедленно выехать в Петроград для личного доклада» и 3) «всеми мерами водворить на Черном море порядок, подчинение закону и воинскому долгу, возвратить оружие офицерам..., восстановить деятельность должностных лиц»..., «не подчиняющихся немедленно арестовать как изменников отечеству и революции и предать суду», донеся об исполнении в 24 часа. Телеграмма правительства была прочитана на делегатском собрании и перед 15-тысячным митингом. Решено было подчиниться требованиям правительства, но протестовать против квалификации движения «военным бунтом» и требовать привлечения к ответственности тех лиц, которые неправильно осветили перед Временным правительством события в Севастополе.

Адмирал Колчак на этот раз окончательно вышел в отставку. Как бы наглядным пояснением того, что значил этот уход для Черноморского флота, явился выход в Черное море через 5 дней после отъезда Колчака крейсера «Бреслау». Со времени 21 июня 1916 г., когда «Гебен» и «Бреслау» напали на Туапсе и Сочи, и 8 июля, когда «Бреслау» пытался напасть на Новороссийск, но был загнан в Босфор судами недавно вступившего тогда в управление адмирала Колчака, в течение 11 месяцев наш флот безусловно командовал на Черном море, и ни одна подводная лодка не решалась более в нем показаться. Теперь «Бреслау» напал на нашу радиостанцию на острове Фидониси, разрушил ее и забрал пленных; турки поставили минные заграждения, на которых несколько дней спустя погиб миноносец «Лейтенант Зацаренный». «Колчак ушел, Бреслау пришел», — так сформулировал последовательность событий один петроградский листок. Несколько дней спустя, 20 июня, правительственное сообщение

подтверждало, что «деятельность противника (на морях) становится с каждым днем все более энергичной и причиняет все больше и больше вреда... Неприятель, очевидно, возлагает надежду на то, что революция ослабила боевую мощь флота и внесла дезорганизацию в его строй, порядок и в уклад боевой жизни».

Крым. Украина. Другие национальности. Ослабление русской мощи на Балтийском и Черном морях не могло не отразиться на настроении прилегающих к ним нерусских народностей. Одновременно с настроением финляндцев обострялось и выливалось в более определенные формы также и настроение эстонцев, латышей, литовцев. Крымские татары и вообще мусульмане России долее других сохраняли полную лояльность. Мусульманский исполнительный комитет еще 6 мая опубликовал следующее заявление: «В некоторых провинциальных и столичных газетах было помещено известие о том, что мусульманское население Крыма требует автономии Крыма. Временный крымско-мусульманский комитет, стоящий ныне во главе всех мусульманских политическо-национальных духовных организаций, самым решительным образом опровергает это известие». Комитет при этом противопоставлял, однако, свою позицию общемусульманской. По словам его председателя Таврического муфтия Гелебиева, общемусульманский комитет 21 апреля «определил свое политическое лицо и будет добиваться установления в России демократического республиканского строя на национальных федеративных началах. Идея же об автономии Крыма, как не имеющая под собой никакой почвы, комитетом совершенно не обсуждалась». Выступление «Бреслау» дало «почву» автономистским стремлениям Крыма, что и сказалось прежде всего в изменившемся настроении крымских мусульман по отношению к России. Впрочем, обнаружилась эта перемена, уже тогда происшедшая, значительно позднее.

Особенно сильно развернулось в описываемый промежуток времени сепаратистское движение Украины. В намерение наших врагов давно, еще до русской революции, входило раздуть украинский сепаратизм, чтобы в худшем случае создать русской армии новые затруднения в тылу, а в лучшем — подготовить себе союзников, если удастся перенести театр военных операций на русский юг и даже создать возможность отделения Украины от России в случае удачного исхода этих операций. Для этих целей работал созданный еще при царском режиме, в самом начале войны, «Союз візволення України», во главе которого стояли Скоропись-Йолтуховский и Меленевский, а членами его состояли Андрей Жук и Владимир Дорошенко. В ответ на печатные обвинения русского генерального штаба